

Jo Nesbø
Kniv

Книги Ю Несбё

Книги о Харри Холе

Нетопырь

Тараканы

Красношейка

Немезида

Пентаграмма

Спаситель

Снеговик

Леопард

Призрак

Полиция

Жажда

Нож

Охотники за головами

Сын

Королевство

Кровь на снегу

И прольется кровь

Ю Несбё
Нож

Издательство «Иностранка»

Москва

УДК 821.135.5-312Несбё
ББК 84(4Нор)-44
Н55

Jo Nesbø
KNIV

Перевод с норвежского Екатерины Лавринайтис

Оформление обложки Михаила Левыкина

Несбё Ю

Н55 Нож : роман / Ю Несбё ; пер. с норв. Е. Лавринайтис. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 656 с.

ISBN 978-5-389-17179-4

В Осло совершено жестокое убийство. В этом деле Харри Холе играет не совсем обычную роль — он возглавляет не расследование, а список подозреваемых. Сам он ничего не может сказать по данному поводу, поскольку переживает не лучшие времена и некоторые события последних дней напрочь выпали из его памяти. Правда, на момент убийства у него имеется алиби, но случайная находка, сделанная в своей квартире, заставляет Харри усомниться в нем. Он почти убежден в том, что виновен, и ведет собственное расследование — в первую очередь это расследование темных глубин собственного «я»...

Долгожданный 12-й роман из захватывающей серии о Харри Холе.

УДК 821.135.5-312Несбё
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-17179-4

© Jo Nesbø, 2019

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Лавринайтис Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

Часть 1

Глава 1

Рваное платье развевалось на ветке гнилой сосны. Старику невольно вспомнилась песенка времен его молодости — про платье, сохнувшее на веревке. Правда, этот предмет женского гардероба, в отличие от того, о котором говорилось в песне, колыхался не под порывами южного ветерка, а в потоках ледяной талой воды. На дне реки было совсем тихо. Часы показывали уже пять часов вечера, но на дворе стоял март, так что еще не стемнело. Если верить прогнозу синоптиков, то небо там, над поверхностью реки, должно было быть безоблачным, однако внизу солнечный свет, прошедший через слой льда и четыре метра воды, казался рассеянным, и поэтому сосна и платье скрывались в загадочной зеленоватой полумгле. Старик точно установил, что это летнее платье, синее в белый горошек. Возможно, когда-то этот наряд имел другой цвет, трудно сказать, все зависит от того, как давно он зацепился за ветку. И теперь платье барахталось в нескончаемом потоке воды, который полоскал его, то поглаживая спокойным течением, то дергая и утягивая за собой, когда река бурлила. И в результате от материи

постепенно отрывался кусочек за кусочком. Старик подумал, что в этом отношении платье было похоже на него самого. Когда-то оно явно имело значение для какой-нибудь девушки или женщины, на него бросали взгляды мужчины, его касались детские руки. Но теперь платье, так же как и он сам, было потеряно, утрачено, не имело никакой функции, угодило в ловушку, где и томилось, безъязыкое и неподвижное. Оставалось только ждать, когда течение и время унесут последний лоскут того, что некогда было красивым нарядом.

— На что вы смотрите? — услышал он голос позади.

Превозмогая мышечные боли, старик, сидевший на своем стуле, повернул голову и посмотрел вверх. Перед ним стоял новый клиент. Теперь старик не все удерживал в памяти, но никогда не забывал лиц людей, заходивших в магазин «Сименсен: всё для охоты и рыбалки». Этому посетителю не нужны ни оружие, ни боеприпасы. Немного потренировавшись, можно научиться по взгляду клиентов определять, кто из них относится к жвачным животным, этой навсегда утратившей охотничий инстинкт половине человечества, не знакомой с тайной другой половины: человек чувствует себя по-настоящему живым только тогда, когда всадит пулю в большое и теплое млекопитающее. Старик полагал, что этот мужчина пришел за блеснами или удочками, развешанными вокруг большого телевизионного экрана на стене напротив. А может, за одной из фотоловушек, выставленных в другом конце магазина.

— Он смотрит на реку Хаглебюэльва, — ответил его зять Альф, подходя к ним. Альф остановился рядом и раскачивался на каблуках, засунув руки в большие карманы длинной кожаной охотничьей

жилетки, которую всегда носил на работе. — В прошлом году мы вместе с производителем установили в реке подводную камеру, так что теперь у нас прямая круглосуточная трансляция из-под лестничного рыбохода у водопада Нурафоссен, и мы увидим, когда рыба начнет подниматься по реке.

— И как скоро это будет?

— Некоторые экземпляры появятся уже в апреле—мае, но большое движение начнется только в июне. Форель нерестится раньше лосося.

Посетитель улыбнулся старику:

— Рановато вы начали смотреть, да? Или уже заметили рыбу?

Старик открыл рот, продумал слова — их он не забыл, но, так ничего и не сказав, вновь сомкнул губы.

— Афазия, — сообщил Альф.

— Что? — не понял клиент.

— После инсульта он не может говорить. Вы ищете рыболовные снасти?

— Фотоловушку.

— Значит, вы охотник?

— Охотник? Нет, боже упаси. Просто я обнаружил какие-то странные, абсолютно ни на что не похожие экскременты прямо перед дачным домиком в Сёркедалене. Я их сфотографировал, выложил в «Фейсбук» и спросил, может, кто знает, чьи они. Горцы сразу ответили: медвежьи. Можете себе такое представить, а? Медведь! В лесу, в двадцати минутах езды и в полчаса ходьбы от Осло!

— Но это же потрясающе.

— Ну не знаю, лично я не в восторге. У меня, как я уже говорил, там дачный домик. Я вывожу туда семью. И хочу, чтобы кто-нибудь убил этого зверя.

— Я охотник и прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. Но знаете, даже в Норвегии, где не

так уж давно этих зверей водилось множество, за последние пару сотен лет едва ли был зарегистрирован хоть один случай нападения медведя на человека со смертельным исходом.

«А вот и неправда, — подумал старик. — Начиная с 1800 года таких случаев было одиннадцать. Последний произошел в 1906-м».

Возможно, он утратил речь и пальцы плохо его слушаются, но с памятью все в порядке. И мысли его были по-прежнему ясными. По большей части. Время от времени он путался и, заметив, как его зять Альф и дочь Метте обмениваются многозначительными взглядами, понимал, что свалял дурака. В первое время, после того как дети начали управлять магазином, который он сам основал и содержал целых пятьдесят лет, старик приносил много пользы. Но теперь, после очередного удара, он просто сидел в зале. Нельзя сказать, что это ему не нравилось. Нет, после смерти Оливии старик по большому счету не предъявлял особых требований. Много ли ему осталось? Вполне достаточно находиться рядом с близкими, каждый день получать горячий обед, сидеть на стуле в магазине и смотреть по телевизору бесконечную беззвучную программу, которая демонстрируется как раз в его темпе, и самым драматичным событием этой передачи станет появление на лестничном рыбоходе первой готовой к нересту рыбы.

— С другой стороны, это вовсе не означает, что подобное не может произойти вновь, — услышал старик голос Альфа, провожавшего клиента к стенду с фотоловушками. — Этот зверь вряд ли похож на милого плюшевого медвежонка, а убийство у хищников в крови. Так что, ясное дело, вам нужна камера, чтобы понять, поселился ли он рядом с вашим домиком или же просто проходил мимо.

Кстати говоря, бурые медведи как раз сейчас выходят из спячки, и они *голодные*. Установите камеру там, где нашли экскременты, или у самого дома.

— Значит, камера находится внутри этого скворечника?

— Этот скворечник, как вы его называете, защищает ее от ветра и осадков, а также от зверей. Вот это недорогая камера, самая простенькая. В нее встроена линза Френеля, фиксирующая инфракрасное излучение, незаметное для людей и животных. Как только объект появляется в зоне видимости, камера реагирует на исходящее от него тепло и автоматически включается.

Старик вполуха слушал их разговор, но его внимание привлекло кое-что другое, на телеэкране. Он не видел, что именно это было, но зеленый полумрак внезапно прорезал свет.

— Запись сохраняется на карте памяти, вмонтированной в камеру, ее потом можно воспроизвести на своем компьютере.

— Ну надо же, как далеко зашел прогресс!

— Минус в том, что вам необходимо приехать на место, чтобы проверить, произвела ли камера запись. Если вы приобретете вот эту модель, которая стоит чуть дороже, то каждый раз при включении камеры будете получать эсэмэс-уведомление. Есть и еще один вариант — вот эта супермодель, которая не только записывает изображение на карту памяти, но, кроме того, отправляет его прямо на ваш телефон или электронный адрес. В этом случае ваше присутствие необходимо лишь изредка, чтобы поменять батарейки, а так можете спокойно сидеть в своей гостиной.

— А что, если медведь заявится ночью?

— У камеры есть светодиодные лампы. Это невидимый свет, который не спугнет зверя.

Свет. Теперь старик видел его. Яркий поток лился справа, сверху по течению. Он пробуравил толщу зеленой воды, попал на платье, и на какой-то ужасный миг старику показалось, что девушка в платье пробудилась к жизни и танцует от радости.

— Ну это уже просто из области фантастики!

Старик изумленно открыл рот, когда увидел, как в кадре появляется космический корабль. Он светился изнутри и парил на расстоянии около полутора метров от речного дна, а потом наткнулся на большой камень и, как при замедленной съемке, начал вертеться вокруг него, а исходившие спереди лучи света заскользили по дну и на мгновение ослепили старика, попав в линзу камеры. Толстая ветвь сосны поймала крутящийся автомобиль и остановила его. Старик слышал, как колотится сердце у него в груди. Автомобиль! В салоне горел свет, и он видел, что машина наполнилась водой почти до самого верха. В салоне кто-то был. Человек полусидел-полустоял на переднем сиденье, отчаянно стараясь дотянуться до воздуха, скопившегося под крышей. Одна из гнилых веток, удерживавших автомобиль, сломалась и уплыла вниз по течению.

— Правда, изображение будет не таким резким и отчетливым, как при дневном свете, да вдобавок еще и черно-белым. Но если линза не запотеет от росы и ничто не загородит обзор, то вы увидите своего медведя.

Старик затопал в попытке привлечь внимание Альфа. Казалось, человек в автомобиле сделал глубокий вдох и нырнул. Его короткие щетинистые волосы пошли волнами, а щеки раздулись. Он ударил обеими руками в боковое стекло, находившееся прямо напротив камеры, но вода, заполнившая

салон автомобиля, ослабила силу удара. Старик уперся в подлокотники стула и попытался встать, но мышцы не желали его слушаться. Он отметил, что средний палец на руке мужчины в салоне автомобиля был серого цвета. Бедняга перестал наносить удары и прижался лбом к стеклу. Как будто сдался. Еще одна ветка сломалась, течение все тащило и тащило автомобиль, стараясь высвободить его, но сосна не желала отпускать свою добычу. Старик уставился на лицо, прижимавшееся к окну изнутри. Мужчина был уже не первой молодости. Выпученные голубые глаза. Шрам, прочертивший багровый полукруг от уголка рта до уха. Старик поднялся со стула и, пошатываясь, сделал два шага в сторону прилавка с фотоловушками.

— Простите, — тихо сказал зять покупателю. — Что случилось, папа?

Старик жестами указывал на телеэкран у себя за спиной.

— Правда? — недоверчиво произнес Альф и быстро прошествовал мимо тестя к телеэкрану. — Неужели рыба?

Старик помотал головой и повернулся к экрану. Автомобиль пропал. И все опять стало как раньше. Речное дно, мертвая сосна, платье, зеленый свет, струящийся сквозь лед. Как будто ничего и не случилось. Он снова топнул и показал на экран.

— Успокойся, папа. — Альф дружески похлопал его по плечу. — Еще рано для нереста. — И он вновь вернулся к фотоловушкам.

Старик смотрел на двоих мужчин, стоявших к нему спиной, и чувствовал, как его сердце наполняют отчаяние и ярость. Как объяснить им, что он сейчас видел? Врач говорил, что при некоторых

видах инсульта нарушается общая способность коммуницировать, в том числе письменно или жестами. Старик проковылял обратно к стулу и снова уселся. Он смотрел на бегущую без остановки реку. Невозмутимая. Равнодушная. Неизменная. И через пару минут он почувствовал, как сердце его успокаивается. Кто знает, может, на самом деле ничего и не было. Вдруг это всего лишь следующий шаг в сторону полного мрака? Или же, в его случае, в сторону наполненного яркими красками мира галлюцинаций. Он посмотрел на платье. На мгновение, когда, как ему показалось, платье осветили фары автомобиля, бедняге привиделось, что это танцует Оливия. А за оконным стеклом в освещенной кабине автомобиля он разглядел лицо, которое видел раньше. Которое помнил. А единственными лицами, что он пока еще помнил, были лица тех, кого он видел здесь, в своем магазине. Этот мужчина заглядывал к ним дважды. Голубые глаза, багровый шрам. Оба раза он покупал фотоловушка. Совсем недавно сюда приходила полиция и спрашивала о нем. Старик мог бы рассказать, что тот мужчина высокий. И что у него особый взгляд. Взгляд человека, посвященного в тайну. Человека, который не принадлежал к жвачным животным.

Глава 2

Свейн Финне склонился над женщиной и положил руку на ее мокрый от пота лоб. Смотревшие на него снизу вверх глаза были широко распахнуты от боли. Или оттого, что она слишком громко кричала. Скорее второе, решил он.

— Ты боишься меня? — шепотом поинтересовался Финне.

Женщина кивнула и сглотнула. Он всегда считал ее красивой: когда смотрел, как она входит в дом и выходит из него, занимается в спортклубе, когда усаживался в метро напротив — чтобы она знала: он тут, рядом. Но она никогда не казалась ему более прекрасной, чем сейчас, лежащая здесь, абсолютно беспомощная, вся в его власти.

— Обещаю все сделать быстро, любовь моя, — прошептал он.

Женщина проглотила слезы. Как же она боится! Финне задумался, не поцеловать ли ее.

— Нож в живот, — продолжил он, — чик, и все кончится.

Она сжала веки, и из-под ресниц показались две прозрачные слезинки.

Свейн Финне тихо рассмеялся:

— Ты знала, что я приду. Ты знала, что я не смогу оставить тебя в покое. Я же обещал.

Он провел указательным пальцем по смеси пота и слез на ее щеке. Он видел ее глаз сквозь большую, зияющую в ладони, в крыле орла, дыру, которую оставила пуля тогда еще молодого полицейского. Свейна Финне осудили на двадцать лет за восемнадцать эпизодов сексуального домогательства, и он не отрицал самих действий, но выступал как против формулировки «домогательство», так и против того, что за подобные действия мужчину вроде него вообще необходимо наказывать. Но судьи и присяжные, очевидно, сочли, что законы Норвегии выше законов природы. Таково было их мнение.

Через кратер в ладони на Финне смотрел глаз женщины.

— Ты готова, любовь моя?

— Не называй меня так, — проскулила она, скорее умоляя, чем приказывая. — И не говори про нож...

Свейн Финне вздохнул. Ну откуда этот извечный страх? Нож, между прочим, первый инструмент, который появился у наших далеких предков, и у человечества было два с половиной миллиона лет, чтобы к нему привыкнуть, но кое-кто тем не менее до сих пор не способен разглядеть красоту в предмете, позволившем хомо сапиенс спуститься с деревьев. Охота, хозяйство, земледелие, пища, оборона. Нож забрал столько же жизней, сколько и спас. Одно невозможно без другого. Только тот, кто понимает это, осознает последствия принадлежности к роду человеческому, принимает свое происхождение, способен любить нож. Бояться и любить. Ведь это же две стороны одной медали.

Свейн Финне поднял глаза и посмотрел на готовые к употреблению ножи, разложенные на столе рядом с ними. Можно выбирать. Важно уметь выбрать подходящий инструмент для каждого вида работы. Эти ножи хороши для его цели, все они превосходного качества. Но, ясное дело, им не хватает того, что Свейн Финне всегда искал в ноже. Личность. Дух. Магия. А ведь до того как высокий молодой полицейский с жесткими короткими волосами все испортил, у Свейна Финне имелась замечательная коллекция из двадцати шести экземпляров.

Самым красивым был нож с Явы — длинный, тонкий и асимметричный, этакая извивающаяся змея с рукояткой. Красота в чистом виде, ну прямо как у женщины. Возможно, такой нож не самый удобный в использовании, но зато обладает гипнотическим действием, присущим змеям

и очаровательным женщинам, и заставляет людей делать именно то, чего ты от них хочешь. Самым эффективным орудием убийства в коллекции был нож рампури, излюбленное оружие индийской мафии. От него веяло холодом, словно он сделан из льда, и еще этот нож был завораживающе красив. Керамбит, имевший форму тигриного когтя, сочетал в себе функциональность и красоту. Хотя его красота, возможно, и выглядела немного нарочито, как у слишком ярко накрасившейся проститутки в слишком обтягивающем платье со слишком глубоким вырезом. Свейну Финне керамбит никогда не нравился. Он предпочитал невинные, девственные и по возможности простые инструменты вроде своего любимого пуукко — финского ножа. Рукоятка из дерева орехового цвета без всякой гарды, короткое лезвие с долем и загнутым вверх острым концом. Этот пуукко Свейн купил в Турку, а через пару дней воспользовался им, чтобы доходчиво объяснить сложившуюся ситуацию пухлой восемнадцатилетней девчужке по имени Маалин, которая совершенно одна работала на АЗС «Несте» неподалеку от Хельсинки. Уже тогда, как обычно в предвкушении секса, он начал слегка заикаться. Это не признак потери контроля над ситуацией, скорее наоборот, результат выброса адреналина. И еще подтверждение того факта, что, прожив на свете семьдесят семь лет, Свейн Финне по-прежнему полон сил. Ровно две с половиной минуты прошло с того момента, как он открыл дверь, и до того, как он вышел обратно на улицу. За это время Финне успел прижать Маалин к прилавку, содрать с нее штаны и оплодотворить девчонку, а затем взять ее удостоверение личности и переписать себе фамилию и адрес. Две с половиной минуты. Сколько секунд заняло само

оплодотворение? Половой акт у шимпанзе длится в среднем восемь секунд, восемь секунд две обезьяны остаются совершенно незащищенными в мире, полном страшных хищников. Горилла, у которой меньше врагов в дикой природе, может растянуть удовольствие на минуту. Но дисциплинированный мужчина во вражеском стане должен принести удовольствие в жертву более высокой цели: репродукции. Поэтому точно так же как ограбление банка не должно превышать четырех минут, так и оплодотворение в общественном месте не должно длиться более двух с половиной. Эволюция докажет его правоту, это всего лишь вопрос времени.

Но здесь и сейчас они в безопасности. Кроме того, никакого оплодотворения не ожидалось. Нельзя сказать, что у Финне не было желания, оно было. Но сегодня у нее произойдет соитие с ножом. Нет никакого смысла в том, чтобы пытаться оплодотворить женщину, если в результате у нее не появится потомства. В этом случае дисциплинированный мужчина сбережет свое драгоценное семя.

— Мне можно называть тебя любимой, мы же помолвлены, — прошептал Свейн Финне.

Она смотрела на него черными от ужаса глазами. Невероятно черными, словно бы уже угасшими. Как будто в них больше не осталось света.

— Да, мы же помолвлены, — тихо засмеялся он, прижимаясь своими толстыми губами к ее, после чего автоматически вытер женщине рот рукавом фланелевой рубашки, чтобы не оставить там следов своей слюны. — Ну а теперь я сделаю то, что обещал... — сказал Свейн и резко провел зажатым в руке ножом между ее грудями вниз к животу.

Глава 3

Харри проснулся. Что-то явно было не так. Понятное дело, он скоро вспомнит, в чем именно заключается проблема, и несколько благословенных секунд неведения — это все, что у него есть, прежде чем кулак реальности нанесет ему безжалостный удар. Он открыл глаза и сразу пожалел об этом. Казалось, солнечный свет, который пробивался сквозь грязное, в подтеках окно, освещая маленькую пустую гостиную, беспрепятственно проник прямо к болезненной точке позади глаз. В поисках убежища Харри снова зажмурился. Он успел вспомнить, что ему снился сон. О Ракели конечно же. Первую часть этого сна он видел неоднократно: было утро, много лет назад, вскоре после того, как они познакомились. Она лежала, положив голову ему на грудь, а Харри спросил, правда ли то, о чем все говорят: якобы у него нет сердца? И Ракель рассмеялась тем смехом, который он так любил. Чтобы вызвать у нее этот смех, он был готов совершать самые идиотские поступки. Ракель подняла голову, посмотрела на него теплыми карими глазами, унаследованными от матери-австрийки, и ответила, что люди правы, но это ничего — она отдаст ему половину своего сердца. А ведь на самом деле все, считай, именно так и произошло. Сердце Ракели оказалось огромным, оно гоняло кровь по его телу, помогало ему оттаять, вновь делало его настоящим человеком. Любящим мужем. И заботливым отцом Олега, погруженного в себя серьезного парнишки, которого Харри со временем полюбил как собственного сына. Харри был буквально на седьмом небе от счастья, и в то же время все это страшно его пугало. Он понимал, что это как-то неправильно, ведь он не создан для блаженства. И он до

смерти боялся потерять Ракель. Потому что одна половинка сердца не может биться, если не бьется другая, это прекрасно известно всем, в том числе ему и Ракели. Но, если Харри не может без нее жить, почему же он сбежал от нее в сегодняшнем сне?

Он толком не помнил, как это произошло, но Ракель явилась, чтобы потребовать назад свою половинку сердца, она услышала слабеющие удары сердца в груди Харри, нашла его и позвонила в дверь.

И занесенный кулак реальности настиг его. Вот она, жестокая правда жизни.

На самом деле он уже потерял Ракель.

И это не он сбежал, а она сама выгнала его.

Харри принялся хватать ртом воздух. В уши настойчиво проникал какой-то звук, и он понял, что голова его буквально разрывается от мигрени. Этот же самый звук ворвался, причинив боль, в его сон перед самым пробуждением. А ведь кто-то на самом деле звонит в дверь. И у него невольно опять появилась эта идиотская, мучительная, неослабевающая надежда.

Не открывая глаз, Харри протянул руку к бутылке виски, стоявшей на полу рядом с диваном, опрокинул ее и, услышав гроыхание катящегося по вытертому паркету сосуда, понял, что тот пуст. Он заставил себя открыть глаза и увидел руку, жадной клешней свисающую над полом, и титановый протез, заменяющий средний палец. Рука была в крови. Черт! Он понюхал пальцы, пытаясь вспомнить, чем закончился вчерашний вечер и присутствовали ли там женщины. Харри откинул одеяло и оглядел свое 193-сантиметровое тело — длинное, голое и тощее. Вот, пожалуйста, физические следы того, что он опустился на дно.

Если и дальше вести такой образ жизни, то мышечная масса начнет уменьшаться неделя за неделей, а кожа, которая уже приобрела сероватый оттенок, побледнеет еще больше, он превратится в призрак и в конце концов исчезнет полностью. Но в этом-то и заключается весь смысл употребления алкоголя, разве нет?

Издав стон, Харри привел себя в сидячее положение и огляделся. Он вернулся туда, где находился перед тем, как снова стать человеком, только теперь стоял ступенькой ниже. Он не знал, ирония ли это судьбы или простое совпадение, но двухкомнатная сорокаметровая квартира его молодого коллеги из полиции, куда его сначала пустили пожить и которую он со временем снял, находилась этажом ниже той, где Харри обитал до того, как переехал в бревенчатую виллу Ракели в Хольменколлене. Поселившись здесь, Харри купил в ИКЕА раскладной диван. Этот самый диван, забитая виниловыми пластинками книжная полка в спальне, журнальный столик, зеркало, до сих пор прислоненное к стене гостиной, и комод в коридоре — вот и вся обстановка новой квартиры. Харри и сам толком не знал, почему не обустроивает жилье: то ли в силу инертности, то ли в глубине души надеется, что Ракель все-таки позовет его обратно.

Харри прислушался к себе: не надо ли ему проплеветься? М-да, вот вопрос. Похоже, за две недели организм постепенно адаптировался к яду и стал не только лучше переносить алкоголь, но и даже требовать увеличения дозы. Харри посмотрел вниз на пустую бутылку из-под виски, остановившуюся между его ступнями. «Питер Доусон спешал». Прямо скажем, не самый лучший выбор. То ли дело «Джим Бим»: прекрасный виски, да к тому же его

выпускают в прямоугольных бутылках, которые никуда не укатятся. Но зато «Доусон» стоит дешево, а томимому жаждой алкоголику с зарплатой полицейского и пустым банковским счетом особо привередничать не приходится. Харри взглянул на часы. Без десяти четыре. До закрытия винных магазинов оставалось два часа десять минут.

Он сделал вдох и поднялся. Голова вот-вот взорвется. Он покачнулся, но устоял на ногах. Харри посмотрел на себя в зеркало и решил, что сильно смахивает на донную рыбу, которую вытащили на поверхность так быстро, что, казалось, глаза и внутренности вот-вот вывернутся наружу, да еще с такой силой, что прорвали ей крючком щеку, оставив серповидный розовый шрам от левого уголка рта до уха. Он пошарил под одеялом, но трусов не нашел, натянул лежавшие на полу джинсы и вышел в коридор. На неровном стекле входной двери вырисовывался темный силуэт.

«Это Ракель, она вернулась!» Точно так же он думал, когда в дверь позвонили в прошлый раз. Но тогда это оказался сотрудник энергетической компании «Хафслюнд Стрём». Он обходил квартиры, предлагая жильцам заменить старые счетчики на новые, современные, которые измеряют расход электричества каждый час: дескать, очень удобно, всегда можно самому удостовериться, в какое время ты включал электроплиту или настольную лампу. Харри ответил, что плиты у него нет, а если бы даже и была, ему бы не хотелось, чтобы все вокруг знали, когда он пользуется ею, а когда нет. И выпроводил агента.

Но силуэт, который он видел сейчас, был женским. Ее рост, ее фигура. Интересно, как Ракель проникла в подъезд?

Он открыл дверь.

На пороге стояли две гостьи. Абсолютно незнакомая женщина и девочка, такая маленькая, что просто не доставала до стекла. Харри заметил кружку для сбора пожертвований и понял, что сначала они позвонили в домофон и кто-то из соседей впустил их в подъезд.

— Благотворительная акция по сбору средств на нужды Красного Креста, — сказала женщина. Поверх курток у них обеих были надеты оранжевые жилеты с соответствующей эмблемой.

— А я думал, она проводится осенью, — ответил Харри.

Женщина и девочка молча смотрели на него. Сначала он принял это за враждебность, как будто он обвинил их в обмане. Но потом понял, что это презрение, вызванное, возможно, тем, что он был кое-как одет и от него разило спиртом, и это в четыре часа дня. Кроме того, Харри не знал о благотворительной акции, проходящей, вероятно, по всей стране, о чем наверняка сообщали по телевидению.

Харри задумался, не испытывает ли он чувство стыда. Да, есть немного. Он засунул руку в карман брюк, где обычно хранил наличность, когда уходил в запой, зная по опыту, что банковскую карту в таких случаях лучше с собой не носить.

Он улыбнулся девочке, которая широко раскрытыми глазами смотрела на его окровавленную руку, опускающую свернутую купюру в щель опломбированной кружки. Перед тем как купюра исчезла в кружке, Харри заметил усы. Усы Эдварда Мунка¹.

— Черт! — воскликнул он, вновь опуская руку в карман. Пуст, как и его счет.

1 Норвежский художник Эдвард Мунк был изображен на купюре в 1000 норвежских крон старого образца. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

— Прошу прощения? — произнесла женщина.

— Я думал, это двести крон, но по ошибке дал вам тысячную купюру.

— Бывает.

— А можно... э-э-э... получить ее обратно?

Посетительницы молча переглянулись. Девочка осторожно подняла кружку повыше, чтобы ему лучше была видна пломба поверх логотипа благотворительной акции.

— Понятно, — прошептал Харри. — А как насчет сдачи?

Женщина улыбнулась, как будто услышала шутку, и он тут же улыбнулся в ответ, чтобы заверить ее, что она права, но его мозг отчаянно продолжал искать решение проблемы. Необходимо раздобыть 299 крон и 90 эре до шести часов. Или хотя бы 169 крон и 90 эре, этого хватит, чтобы приобрести маленькую бутылку.

— Утешайтесь тем, что ваши деньги пойдут нуждающимся, — сказала женщина и потянула девочку за собой в сторону лестницы и следующей квартиры.

Харри запер за ними дверь, прошел в кухню, смыл с руки кровь и почувствовал жгучую боль. Вернувшись в гостиную, он огляделся и заметил на пододеяльнике отпечаток кровавой ладони. Он опустил на четвереньки и достал из-под дивана мобильный телефон. Сообщений нет, только три пропущенных вчера вечером звонка: один от Бьёрна Хольма, криминалиста, родом из Тутена, и два от Александры, эксперта из Института судебной медицины. Они с Харри близко познакомились совсем недавно, после того как Ракель выгнала его из дома, и, судя по тому, что он помнил, Александра была не из тех дамочек, кто считает менструацию причиной для отмены секса.

В первый раз, когда она приволокла сюда его, пьяного, и они оба безуспешно шарили по его карманам в поиске ключей, Александра подозрительно быстро и ловко вскрыла замок, уложила Харри на диван и сама устроилась рядышком. А когда он проснулся, ее уже и след простыл, осталась только записка, в которой она благодарила его за прекрасную ночь. Так что это вполне могла быть кровь Александры.

Харри зажмурился и попробовал сосредоточиться. События последних недель вообще виделись ему как в тумане, а что касается вчерашнего вечера и минувшей ночи, то здесь его память не сохранила абсолютно ничего. Серьезно, в голове была полная пустота. Он открыл глаза и посмотрел на правую руку, которая сильно болела. Кожа с костяшек трех пальцев ободрана, по краям ран запеклась кровь. Скорее всего, он кого-то ударил. А то, что пострадали три пальца, означало, что ударов было несколько. Теперь он заметил кровь и на брюках тоже. Много крови, столько не могло натечь из ран на руке. И она вряд ли была менструальной.

Харри вытряхнул одеяло из пододеяльника, одновременно набирая номер Бьёрна Хольма. В трубке раздались гудки, и Харри знал, что где-то там, вдалеке, звучит мелодия одной из песен Хэнка Уильямса¹, в которой, по утверждению Бьёрна, рассказывалось о криминалисте вроде него самого.

— Как делишки? — раздался добродушный тутенский говорок Бьёрна.

— Так себе, — ответил Харри, заходя в ванную. — Можешь одолжить мне триста крон?

— Сегодня воскресенье, Харри. Винные магазины закрыты.

1 Уильямс Хэнк (1923–1953) — американский автор-исполнитель в стиле кантри.

— Воскресенье? — Харри выскользнул из брюк и запихал их вместе с пододеяльником в переполненную корзину с грязным бельем. — Черт бы его побрал.

— Еще что-нибудь?

— У меня пропущенный звонок: оказывается, ты звонил мне вчера около девяти вечера.

— Да, но ты не ответил.

— Угу. Судя по всему, мой телефон последние сутки пролежал под диваном. Я был в баре «Ревность».

— Так я и подумал, поэтому позвонил Эйстейну, и он сообщил мне, что ты там.

— И?..

— Ну и я тоже заявился туда. Ты что, серьезно — ничего не помнишь?

— Да что случилось, черт возьми?

Харри услышал, как его коллега вздохнул, и представил, как слегка выпученные рыбы глаза Бьёрна закатились на круглом и бледном, как луна, лице, обрамленном кепкой и самыми густыми рыжими бакенбардами во всем Полицейском управлении Осло.

— Что именно тебя интересует?

— Только то, что, по-твоему, мне следует знать, — произнес Харри, обнаруживший в корзине для белья кое-что интересное. Там среди грязных трусов и футболок торчало горлышко бутылки. Он рывком достал ее. «Джим Бим». Пустая. Или?.. Он открутил пробку, приставил горлышко ко рту и закинул голову назад.

— Хорошо, тогда слушай короткий отчет, — сказал Бьёрн. — Когда я прибыл в бар «Ревность» в четверть десятого, ты был пьян, а когда я в половине одиннадцатого повез тебя домой, ты мог связно говорить только на одну-единственную тему. Вернее, только об одном человеке. Угадай о ком.

Литературно-художественное издание

Ю Несбё

Нож

Выпускающий редактор П.Шиков

Редактор И.Беличева

Корректор Т.Филиппова

Технический редактор Л.Синицына

Верстка Т.Коровенковой

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Sathitpong sanin tora/Shutterstock.com

ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” —
обладатель товарного знака “Издательство Иностранка”
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП “Издательство “Махаон-Украина”

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 06.10.2020. Формат 75×100/32.

Бумага газетная. Гарнитура “Журнальная”.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,29.

Тираж 15 000 экз. В-NUP-25681-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО “ИПК Парето-Принт”. 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru